

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-888-901

EDN: TYVHAM

Духовно-нравственная культура как социальный феномен: теоретико-методологический анализ*

И.П. Рязанцев¹, Я.А. Ардельянова²

¹Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
ул. Иловайская, 9, корп. 2, Москва, 109651, Россия

²Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: dekan-soc@mail.ru; ard yana@yandex.ru)

Аннотация. Статья предлагает теоретическую концептуализацию духовно-нравственной культуры как сложного и многомерного социального феномена. Актуальность исследования определяется современными цивилизационными сдвигами, процессом цифровизации и ценностным плюрализмом. Цель — системный анализ структурных уровней, ключевых функций и исторической динамики духовно-нравственной культуры сквозь призму социологического подхода. Теоретико-методологическая основа статьи — синтез институционального, структурно-функционального и культурно-исторического подходов, что позволяет рассматривать духовно-нравственную культуру и как продукт социальных институтов, и как механизм поддержания стабильности системы, и как динамическую ценностную систему, изменяющуюся в историческом времени. Показано, что духовно-нравственная культура представляет собой синтетическое единство трех оснований — духовности (ориентация на трансцендентные смыслы), нравственности (система норм) и символических систем (язык, ритуалы, искусство), что позволяет ей выполнять ключевые социальные функции. Авторы рассматривают следующие функции духовно-нравственной культуры: интегративная (формирование коллективной идентичности), регулятивная (внутренний моральный контроль), компенсаторная (преодоление экзистенциальных угроз) и эдукативная (трансляция ценностей в процессе социализации). В структуре духовно-нравственной культуры выделены три уровня: ценностно-смысловой, нормативно-регулятивный и символично-практический. Особое внимание уделено трансформации духовно-нравственной культуры в условиях модернизации, секуляризации и постмодерна, а также ее кризисам, вызванным глобализацией и цифровизацией. Духовно-нравственная культура выступает не просто моральным регулятором, но фундаментальным фактором устойчивости социальной системы, способным противостоять дегуманизации и аномии, однако ее эффективность зависит от глубины интериоризации ценностей, а не от формальной ритуализации.

Ключевые слова: духовно-нравственная культура; социальный феномен; ценности; социальная интеграция; социология культуры; Россия; традиционные ценности; постмодерн; секуляризация; аномия

* © Рязанцев И.П., Ардельянова Я.А., 2026

Статья поступила в редакцию 30.03.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

Для цитирования: Рязанцев И.П., Ардельянова Я.А. Духовно-нравственная культура как социальный феномен: теоретико-методологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 888–901. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-888-901> EDN: TYVNHAM

В условиях глубоких трансформаций современного общества, характеризующихся ускорением технологического прогресса, кризисом идентичности и ослаблением традиционных институтов, все более актуальным становится вопрос о роли духовно-нравственной культуры как фундаментального элемента социального бытия. Парадокс современности заключается в том, что беспрецедентный рост технологических возможностей сопровождается снижением уровня моральной ответственности, доверия и социальной солидарности [28], что указывает на системный дефицит духовно-нравственных ориентиров, которые традиционно обеспечивали устойчивость общественного порядка. Следовательно, в теоретическом плане необходимо обращение к основным аксиологическим категориям — духовность, нравственность, культура — и их синтез в феномене духовно-нравственной культуры.

В научной литературе, несмотря на обилие работ по проблемам нравственности и ценностного воспитания, до сих пор отсутствует единая теоретическая модель, описывающая духовно-нравственную культуру как целостный и динамичный социальный феномен. Преобладают педагогические, религиоведческие и психологические подходы, которые, безусловно, важны, но не дают комплексного, системного видения. Социологический подход с его фокусом на институтах, социальных функциях и структурах позволяет преодолеть эту фрагментарность. Социологическая оптика дает ключ к пониманию духовно-нравственную культуры не как абстрактного морального идеала, а как реально действующего механизма интеграции и воспроизводства общества [7; 12].

Цель статьи — концептуальное осмысление духовно-нравственной культуры как социального феномена через анализ ее структурных компонентов, функций, исторических модальностей и роли в современном обществе. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, систематизировать теоретические подходы к пониманию духовно-нравственной культуры в социологии; во-вторых, определить ее онтологический статус как объективированного ценностного порядка; в-третьих, проанализировать трансформацию духовно-нравственной культуры в условиях модерна и постмодерна, выявив кризисные тенденции и перспективы. В работе использован комплексный методологический подход — сочетание ряда социологических концепций:

- *Институциональный подход* рассматривает духовно-нравственную культуру как продукт и одновременно условие деятельности социальных институтов. Семья выступает первичным агентом социализации, формируя ба-

зовые нравственные ориентиры через повседневные практики и ритуалы [27]. П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают роль семьи в легитимации символического порядка, где родительские роли усваиваются детьми как «естественные» социальные модели [3]. Образование институционализирует этот процесс, создавая формальные каналы трансляции ценностей (например, внедрение в России курса «Основы религиозных культур и светской этики», а с 2026 года — курса «Духовно-нравственная культура России»). Религия, в свою очередь, выполняет системообразующую функцию, наделяя моральные нормы священным смыслом и придавая им статус абсолютных истин, что особенно значимо для формирования национально-культурной идентичности [15].

- *Структурно-функциональный подход* позволяет анализировать духовно-нравственную культуру через ее вклад в поддержании стабильности социальной системы. В рамках AGIL-модели Т. Парсонса духовно-нравственная культура выполняет функцию поддержания ценностных паттернов (L — latency), обеспечивая мотивационную легитимность социального порядка. Общие ценности (справедливость, солидарность) — необходимое условие социальной интеграции [17]. Э. Дюркгейм рассматривал коллективное сознание, частью которого являются моральные нормы, как «цемент» общества, противодействующий аномии и дезинтеграции [10].

- *Культурно-исторический подход* фокусируется на динамике ценностей в историческом времени. П.А. Сорокин рассматривает духовно-нравственную культуру через призму социокультурных суперсистем, где смена идеационального, чувственного и идеалистического типов связана с фундаментальными изменениями ценностных ориентаций [20]. А.Г. Здравомыслов в работах по социологии конфликта показывает, как ценности становятся объектом борьбы в периоды социальных трансформаций, а нравственность выступает важнейшим регулятором, снижающим уровень конфликтности [11].

В российской социологической традиции проблематика духовно-нравственной культуры получила значительное развитие, что обусловлено как спецификой национального культурно-исторического опыта, так и острыми социальными вызовами постсоветского периода. Одно из важнейших направлений — теоретическая разработка концептуальных оснований духовно-нравственной культуры. Ф.В. Даминдарова рассматривает духовно-нравственную традицию как социокультурный феномен, обеспечивающий преемственность ценностного опыта и выполняющий функции интеграции и идентификации в условиях социальных изменений [8]: духовно-нравственная культура не сводится к совокупности моральных норм, но представляет собой сложную систему смыслов, транслируемых через механизмы традиции. В диссертации Н.И. Татаркиной обосновывается понимание духовно-нравственной культуры как сущностно-личностно-деятельностного образования, включающего ценностно-смысловой, мотивационный и поведенческий компоненты [23]. Эти теоретические разработки

создают основу для операционализации понятия духовно-нравственной культуры в эмпирических исследованиях.

Множество работ посвящено эмпирическому изучению духовно-нравственной культуры разных социальных групп, например, опрос студентов технического вуза выявил ценностный портрет современной молодежи, сочетающий традиционные ценности (семья, патриотизм) с прагматическими установками на успех и материальное благополучие [19]: ценности студентов сочетают идеи индивидуализма, либерализма, ценности семьи и любви к Родине, при этом наблюдается отрицательное отношение к политическим и религиозным институтам, что свидетельствует о сложном и противоречивом характере ценностного сознания молодежи. Исследование аксиологического профиля гражданской и территориальной идентичностей показало, что традиционные духовно-нравственные ценности в наибольшей степени соответствуют аксиологическому профилю респондентов с доминирующей гражданской идентичностью [16]: максимальное сходство между группами наблюдается в оценках общечеловеческих ценностей (жизнь человека, права и свободы), что указывает на универсальный характер базовых нравственных ориентиров.

В работе Г.А. Борщевского, основанной на анализе данных федерального статистического наблюдения и репрезентативных опросов 1990–2020-х годов, предпринята попытка эмпирической оценки выраженности традиционных духовно-нравственных ценностей в современном российском обществе [4]. Исследование показало, что все «индивидуальные» духовно-нравственные ценности, закрепленные в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022), фиксируются объективно, а некоторые широко распространены и усиливаются со временем. Наиболее позитивные тенденции отмечены в реализации ценностей жизни, гуманизма и милосердия. Ситуация с такими ценностями, как достоинство, права и свободы человека, приоритет духовного над материальным, справедливость, более противоречива, что говорит о необходимости дифференцированного подхода к оценке состояния разных компонентов духовно-нравственной культуры. Так, у сельских жителей прослеживается связь морали с социально-экономической сферой — трансформация социально-экономических условий непосредственно влияет на состояние духовно-нравственной культуры [1]. Поскольку системообразующим компонентом духовно-нравственной культуры являются ценности, их трансляция должна стать приоритетной задачей системы образования: формирование социокультурной идентичности студентов в рамках образовательного процесса высшей школы — средство консолидации российского общества и обеспечения национальной безопасности [22].

Таким образом, отечественные исследования духовно-нравственной культуры демонстрируют многообразие теоретических подходов и эмпи-

рических стратегий. Однако сохраняется запрос на интегративную модель, которая объединила бы институциональный, структурно-функциональный и культурно-исторический подходы и позволила бы описывать духовно-нравственную культуру как целостный социальный феномен.

Концептуальные основания и структурные уровни духовно-нравственной культуры. Духовность — это ориентация на трансцендентные смыслы (истина, добро, красота), проявляющаяся в поиске высших ценностей и экзистенциальной самореализации личности [20; 24]. Нравственность представляет собой систему нормативных регуляторов (долг, совесть, справедливость), направляющих поведение человека в отношении «обобщенного Другого» и общества в целом [10; 26]. Культура, в соответствии с социокультурным подходом Сорокина, определяется как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют эти значения [21]. Духовно-нравственная культура не является механической суммой этих элементов, а представляет собой их синтетическое единство, где духовность обеспечивает экзистенциальную глубину, нравственность — нормативную структуру, а культура — символические формы трансляции [25]. Этот синтез позволяет духовно-нравственной культуре выполнять ключевые социальные функции и отвечать критериям социального феномена — объективности (существует независимо от индивида), институциональности (закреплена в социальных структурах), регулятивности (направляет поведение), интерсубъективности (разделяется членами общества) [3].

В структуре духовно-нравственной культуры можно выделить три взаимосвязанных уровня: *ценностно-смысловой* (ядро) — включает базовые ценности (добро, справедливость, долг, патриотизм), которые носят трансцендентный характер и выступают ориентирами для социального действия, уровень отвечает на вопрос «во имя чего?» и задает направленность социальной активности; *нормативно-регулятивный* — система моральных норм, императивов и запретов, как формализованных (кодексы чести, заповеди), так и неформальных (традиции, обычаи), уровень отвечает на вопрос «как должно действовать?» и обеспечивает предсказуемость поведения; *символично-практический* — формы объективации ценностей через ритуалы, искусство, архитектуру, тексты, которые делают духовно-нравственную культуру доступной для восприятия и трансляции, уровень отвечает на вопрос «как ценности воплощаются в повседневности?» и обеспечивает их сохранение и передачу.

Социологическая операционализация. Для эмпирического изучения духовно-нравственной культуры необходима операционализация ее структурных уровней в виде системы измеримых индикаторов. Можно предложить следующую систему индикаторов: ценностно-смысловой уровень — степень согласия с традиционными ценностями (семья, патриотизм, справедливость,

жизнь человека) в массовых опросах; иерархия терминальных и инструментальных ценностей (методика М. Рокича); восприятие социальной справедливости и доверия к институтам; ценностные ориентации в сферах труда, досуга, семейных отношений; нормативно-регулятивный уровень — степень морального осуждения девиантных практик (коррупция, уклонение от налогов, нарушение прав других); готовность следовать моральным нормам в ситуациях конфликта интересов; степень интериоризации норм взаимопомощи и солидарности; отношение к формальным и неформальным социальным санкциям; символическо-практический уровень — участие в ритуальных практиках (религиозных, гражданских, семейных); обращение к культурным текстам (литература, искусство, медиа) как источникам нравственных ориентиров; практики межпоколенной трансляции ценностей (обсуждение моральных дилемм в семье, передача традиций); участие в волонтерской и благотворительной деятельности как воплощении ценностей милосердия.

Функции духовно-нравственной культуры. Анализ функций духовно-нравственной культуры позволяет раскрыть ее роль в обеспечении устойчивости и воспроизводства социальной системы; каждая функция имеет свои механизмы реализации и эмпирические проявления:

- *Интегративная функция* — проявляется в формировании коллективной идентичности на основе разделяемых идеалов и ценностей; ценностная интеграция предшествует политической и экономической консолидации общества [17]. Механизмами реализации интегративной функции выступают: общие символические системы (язык, история, религия), институты социализации (семья, школа, армия), ритуальные практики (праздники, церемонии, памятные даты). Эмпирические индикаторы — уровень социального доверия, степень идентификации с национальным сообществом, восприятие социальной справедливости, доля граждан, разделяющих базовые ценности. В российском контексте интегративная функция приобретает особое значение в силу полиэтничного и поликонфессионального характера общества: общность духовно-нравственных ценностей выступает важнейшим фактором межнационального согласия и социальной стабильности [16]. По данным ВЦИОМ (2024), доля россиян, считающих, что в стране есть общенациональная идея, способная объединить общество, составляет около 45 %, что указывает на незавершенность ценностной интеграции и необходимость дальнейшего укрепления духовно-нравственной культуры [5].

- *Регулятивная функция* — духовно-нравственная культура дополняет правовое и экономическое регулирование, формируя внутренние моральные императивы, снижая издержки внешнего контроля и повышая предсказуемость поведения: мораль — «дисциплинарный» механизм, ограничивающий эгоистические устремления [10]. В отличие от правовых норм, моральные императивы не требуют внешнего принуждения, а действуют через совесть, чувство долга, стыд и общественное порицание. Эмпирические исследования

фиксируют роль моральных регуляторов в разных сферах общественной жизни: так, готовность россиян соблюдать социальные нормы в значительной степени определяется не страхом перед санкциями, а внутренними моральными установками [4]. Особенно ярко это проявляется в ситуациях, когда контроль государства ослаблен (сфера межличностных отношений, бытовая коррупция, экологическое поведение; в условиях пандемии добровольное соблюдение ограничений основывалось скорее на нравственных установках, чем на страхе перед правовыми санкциями).

- *Компенсаторная функция* — выражается в способности духовно-нравственной культуры помогать людям преодолевать экзистенциальные угрозы (страх смерти, одиночество, бессмысленность существования). Религиозные практики (молитва, паломничество), гражданские ритуалы (День Победы, «Бессмертный полк») и коллективные переживания создают «системы смыслов», делающие страдания переносимыми. Эмпирические проявления — обращение к религии в кризисных ситуациях, участие в коллективных ритуалах, формирование «священных» объектов и мест памяти. В периоды социально-экономических кризисов и военных конфликтов наблюдается рост религиозности и обращение к традиционным ценностям [4], но существует риск идеологической подмены — когда символическая поддержка подменяет подлинное переживание, а ритуалы становятся формальными.

- *Эдукативная функция* — духовно-нравственная культура формирует личность, способную к эмпатии, ответственности и моральному суждению, через семью (первичная социализация), школу (целенаправленное воспитание) и церковь (духовное наставничество). Кризис этой функции в современном обществе связан с ослаблением авторитетов (педагогов, родителей, священников) и доминированием цифровых коммуникаций, ведет к относительности моральных стандартов. Эмпирические исследования демонстрируют наличие ценностного плюрализма: молодежь сочетает традиционные ценности (семья, патриотизм) с нематериальными ценностными ориентациями (самовыражение, толерантность) [19], причем наблюдается снижение роли институциональных агентов социализации (школы, семьи) и возрастание роли неформальных (интернет-сообщества, блогеры, сверстники).

Трансформации духовно-нравственной культуры: от традиционного общества к постмодерну. Духовно-нравственная культура представляет собой динамический феномен, чьи формы и содержание претерпевают глубокие изменения в ходе исторического развития. В традиционных обществах она была неразрывно связана с религиозным мировоззрением — ценности воспринимались как божественные установления, что обеспечивало их безусловный характер и высокую интегрирующую силу (сакрализация норм, коллективизм и ритуализация поведения). В Древней Руси православие стало основой государственности и морали, обеспечивая единство мировоззрения и преемственность поколений [9]. Эпоха модерна сопровождалась секуляри-

зацией — отделением духовно-нравственной сферы от религиозных оснований. Под влиянием Просвещения и научной революции мораль стала обосновываться рационально [13], что Вебер описал как «расколдование мира», которое ослабило единый ценностный порядок и привело к фрагментации общества. В России этот процесс носил драматический характер: петровские реформы ослабили влияние церкви, а революция 1917 года привела к радикальному разрыву с традицией и попытке создания новой, атеистической морали, что породило феномен двойной морали и глубокий ценностный кризис. Постмодернистское общество (с конца XX века) характеризуется отказом от «великих нарративов» (Ж.-Ф. Лиотар), плюрализмом и релятивизмом ценностей. Мораль становится предметом индивидуального выбора, что ведет к фрагментации общественного сознания. Однако кризис ценностей — это не гибель культуры, а фаза ее трансформации: постмодерн не уничтожил потребность в духовности, а трансформировал ее формы, породив гибридные модели — гражданские ритуалы, экологическую этику, патриотическое воспитание как светскую религию [20].

Духовно-нравственная культура в современном российском обществе. Распад советской идеологической системы в 1990-е годы спровоцировал в России глубокий ценностный кризис, описываемый как состояние аномии — распад моральных регуляторов, ведущий к дезинтеграции общества [10]. Экономические реформы и рост неравенства усугубили деморализацию, создав ценностный вакуум. С начала 2000-х годов государство предпринимает попытки восстановления ценностного каркаса — возрождение роли православия, интеграция духовно-нравственной культуры в государственную политику («Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей») и внедрение образовательных инициатив.

Эмпирические данные свидетельствуют о неоднозначной динамике духовно-нравственной культуры. С одной стороны, наблюдается рост религиозности (67 % православных, по данным ВЦИОМ) и патриотических настроений, с другой — распространение морального релятивизма, снижение доверия к институтам и деформация семейных ценностей. Наиболее позитивные тенденции отмечены в реализации ценностей жизни, гуманизма и милосердия, тогда как ситуация с ценностями достоинства, приоритета духовного над материальным и справедливости остается противоречивой [4; 18].

Духовно-нравственная культура сталкивается с системными вызовами, трансформирующими ее традиционные основания. Секуляризация — «уход части общества и культуры из-под власти религиозных институтов» [2] — приводит к тому, что мораль теряет связь с чем-то высшим, а представления о добре и зле становятся более относительными: 67 % россиян относят себя к православным, но лишь 12 % регулярно ходят в храм, т.е. религиозность во многом носит формальный характер [6]. Что касается цифровизации и виртуализации социальных взаимодействий, то аноним-

ность в интернете ослабляет ощущение ответственности, постоянное переключение внимания мешает серьезному осмыслению информации, а виртуальные образы заменяют подлинный символический опыт. Цифровая культура формирует человека, способного к быстрой реакции, но не к долгому размышлению, что угрожает традиционным механизмам трансляции ценностей [14]. Глобализация и культурный империализм навязывают ценности потребления и индивидуализма, вступающие в конфликт с традиционными установками, но в то же время глобализация потенциально создает возможности для диалога цивилизаций и критического осмысления собственной идентичности.

Одна из центральных проблем современной духовно-нравственной культуры — напряжение между необходимостью сохранения традиционных ценностей и необходимостью адаптации к изменяющимся условиям. С одной стороны, традиция обеспечивает преемственность и идентичность, но, с другой стороны, сохранение устаревших форм может привести к отчуждению молодежи и потере ценностями актуальности. Эффективная духовно-нравственная культура должна быть динамичной, способной к обновлению форм при сохранении ключевых ценностей: «традиция живет только в режиме творческого освоения, а не механического воспроизведения» [8], поэтому трансляция духовно-нравственной культуры в современном обществе требует поиска новых форм, адекватных цифровой среде, при сохранении ключевого содержания.

Несмотря на кризисные тенденции, духовно-нравственная культура сохраняет значительный ресурсный потенциал для преодоления аномии и социальной дезинтеграции, который раскрывается через несколько механизмов: ценностная рефлексия — способность индивидов и групп осмысливать свои моральные установки и корректировать поведение; социальная солидарность — формирование горизонтальных связей на основе общих ценностей, компенсирующих ослабление вертикальных институтов; культурная память — обращение к историческому опыту как источнику нравственных ориентиров. Эмпирические данные подтверждают наличие этих ресурсов: гражданская идентичность, основанная на разделяемых ценностях, выступает фактором социальной устойчивости и межгрупповой толерантности [16]; даже в условиях социально-экономической нестабильности сельские жители сохраняют приверженность традиционным ценностям взаимопомощи и солидарности [1]. Ресурсный потенциал духовно-нравственной культуры может быть активизирован через: образовательные программы, направленные на формирование ценностной рефлексии; поддержку институтов гражданского общества, транслирующих нравственные ориентиры; сохранение и популяризацию культурного наследия как источника ценностных смыслов; развитие межпоколенного диалога как механизма трансляции духовно-нравственной культуры.

Духовно-нравственная культура представляет собой сложный и фундаментальный социальный феномен, синтезирующий духовные основания, социальные нормативы и символические системы и выполняющий критически важные функции интеграции, регуляции, компенсации и социализации для обеспечения устойчивости общества в условиях социальных изменений. В российском контексте духовно-нравственная культура играет особую роль — механизм преодоления постсоветской аномии и формирования национальной идентичности, однако эффективность государственных инициатив в этой сфере зависит от интериоризации ценностей, а не от формальной ритуализации. Эмпирические данные свидетельствуют о неоднозначной динамике духовно-нравственной культуры в России: при росте формальной религиозной идентичности и патриотических настроений сохраняются риски морального релятивизма и ценностной фрагментации.

Ключевым вызовом для духовно-нравственной культуры в XXI веке становится цифровизация, ведущая к фрагментации сознания и росту морального релятивизма. Как показывает исторический анализ, духовно-нравственная культура демонстрирует способность к адаптации: возникают гибридные формы (гражданские ритуалы, экологическая этика), сочетающие традиционные ценности с современными вызовами, т.е. духовно-нравственная культура остается реально действующим механизмом социальной интеграции, способным противостоять дегуманизации и аномии.

Можно выделить несколько перспективных направлений дальнейших исследований духовно-нравственной культуры как социального феномена:

- Разработка интегративной теоретической модели духовно-нравственной культуры, объединяющей институциональный, структурно-функциональный и культурно-исторический подходы. Такая модель позволит описывать духовно-нравственную культуру как целостный феномен, учитывая как ее структурные компоненты, так и динамику в историческом времени.
- Эмпирическое изучение духовно-нравственной культуры разных социальных групп (особенно поколенческих, сельских и городских, профессиональных и образовательных) с использованием сопоставимых методик, что позволит выявить факторы, способствующие сохранению или трансформации духовно-нравственной культуры в современных условиях.
- Исследование механизмов трансляции духовно-нравственной культуры в цифровой среде: как онлайн-платформы и социальные сети влияют на формирование ценностных ориентаций, какие новые формы трансляции ценностей возникают в виртуальном пространстве и т.д.
- Разработка системы показателей для мониторинга состояния духовно-нравственной культуры в российском обществе — создание надежного инструментария для регулярного измерения духовно-нравственной культуры позволит отслеживать эффективность государственной политики в этой сфере.

• Изучение взаимосвязи между духовно-нравственной культурой и социальным самочувствием населения — понимание этой взаимосвязи необходимо для разработки комплексных социальных программ, направленных на укрепление духовно-нравственных оснований общества.

Библиографический список

1. Абдрахманова Ф.Р., Антошкин В.Н. Духовно-нравственная культура жителей села: по результатам региональных социологических исследований // Евразия и глобальные социально-экономические изменения. М., 2020.
2. Бергер П. Секуляризация: процесс и проблема // Религия и общество. 1998. № 1.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
4. Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности и социальные практики: опыт эмпирической проверки // Социологические исследования. 2024. № 3.
5. ВЦИОМ: Образ будущего: оценки россиян: аналитический обзор (февраль 2024). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossija>.
6. ВЦИОМ: Религия и общество: мониторинг (июнь 2025). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025>.
7. Гофман А.Б. Социология культуры. М., 2010.
8. Даминдарова Ф.В. Духовно-нравственная традиция в жизни общества: автореф. дис. д.филос. н. Челябинск, 2011.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.
11. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1999.
12. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2012.
13. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1994.
14. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
15. Кузнецова О.В., Шабанов Л.В. Православные ценности в системе воспитания современной российской молодежи // Социологические исследования. 2020. № 8.
16. Пантелеев В.Г., Шевченко О.М. Духовно-нравственные ценности России в аксиологическом профиле гражданской и территориальной идентичностей (на примере Ростовской области) // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 12.
17. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
18. Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы: сб. материалов Всероссийской сетевой научной конференции «Иннокентьевские чтения» / отв. ред. И.П. Рязанцев. М., 2026.
19. Рязанцев И.П., Гридина В.В., Тимонина Т.В. Духовно-нравственная культура студентов технического вуза // Социология. 2019. № 2.
20. Сорокин П.А. Социокультурная динамика. М., 2000.
21. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
22. Стрижакова В.Е. Аксиологический аспект духовно-нравственной культуры современной студенческой молодежи // Труды Московского гуманитарного университета. 2024. № 2.
23. Татаркина Н.И. Формирование духовно-нравственной культуры личности курсантов вузов МВД России: дис. д. пед. н. Елец, 2006.
24. Тиллих П. Мужество быть. М., 1995.
25. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. М., 1994.
26. Mead G.H. *Mind, Self and Society*. University of Chicago Press, 1934.

27. *Parsons T., Bales R.F.* Family, Socialization and Interaction Process. Free Press, 1955.

28. *Putnam R.D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. Simon & Schuster, 2000.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-888-901

EDN: TYVHAM

Spiritual-moral culture as a social phenomenon: A theoretical-methodological analysis*

I.P. Ryazantsev¹, Ya.A. Ardelyanova²

¹St. Tikhon's Orthodox University of Humanities,
Ilovaiskaya St., 9, bldg. 2, Moscow, 109651, Russia

² Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: dekan-soc@mail.ru; ardyana@yandex.ru)

Abstract. The article presents a theoretical conceptualization of spiritual-moral culture as a complex and multidimensional social phenomenon. The relevance of the study is determined by contemporary civilizational shifts, digitalization and value pluralism. The article aims at conducting a systematic analysis of the structural levels, key functions and historical dynamics of spiritual-moral culture using a sociological approach. The theoretical-methodological basis of the study is a synthesis of institutional, structural-functional, and cultural-historical approaches, which allows to consider spiritual-moral culture as a product of social institutions, a mechanism for maintaining the stability of the system, and a dynamic value system that changes over time. The authors show that spiritual-moral culture is a synthetic unity of three foundations — spirituality (focus on transcendent meanings), morality (system of norms), and symbolic systems (language, rituals, and art), which allows it to perform key social functions. The authors consider the following functions of spiritual-moral culture: integrative (formation of collective identity), regulatory (internal moral control), compensatory (overcoming existential threats), and educational (transmission of values during socialization). The authors identify three levels in the structure of spiritual-moral culture: value-semantic, normative-regulatory, and symbolic-practical. Special attention is paid to the transformation of spiritual-moral culture under modernization, secularization and postmodernism, and to its crises caused by globalization and digitalization. Spiritual-moral culture is not just a moral regulator but a fundamental factor in the stability of social system, capable of resisting dehumanization and anomie, but its efficiency depends on the depth of internalization of values rather than on formal ritualization.

Key words: spiritual-moral culture; social phenomenon; values; social integration; sociology of culture; Russia; traditional values; postmodernism; secularization; anomie

For citation: Ryazantsev I.P., Ardelyanova Ya. A. Spiritual-moral culture as a social phenomenon: A theoretical-methodological analysis. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (3): 888–901. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-888-901> EDN: TYVHAM

*© I.P. Ryazantsev, Ya.A. Ardelyanova, 2026

The article was submitted on 30.03.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

References

1. Abdrakhmanova F.R., Antoshkin V.N. Dukhovno-nravstvennaya kultura zhitelei sela: po rezultatam regionalnyh sotsiologicheskikh issledovaniy [Spiritual-moral culture of rural population: Results of regional sociological studies]. *Evrasiya i globalnye sotsialno-ekonomicheskie izmeneniya*. Moscow; 2020. (In Russ.).
2. Berger P. Sekulyarizatsiya: protsess i problema [Secularization: process and problem]. *Religiya i Obshchestvo*. 1998; 1. (In Russ.).
3. Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow; 1995. (In Russ.).
4. Borshchevsky G.A. Traditsionnye rossiiskie tsennosti i sotsialnye praktiki: opyt empiricheskoi proverki [Traditional Russian values and social practices: Empirical verification]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 3. (In Russ.).
5. VCIOM: *Obraz budushchego: otsenki rossiyan* [Image of the Future: Russians' Assessments: Analytical Review. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossiya>. (In Russ.).
6. VCIOM: *Religiya i obshchestvo: monitoring* [Religion and Society: Monitoring]. 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring-09062025>. (In Russ.).
7. Gofman A.B. *Sotsiologiya kultury* [Sociology of Culture]. Moscow; 2010. (In Russ.).
8. Damindarova F.V. *Dukhovno-nravstvennaya traditsiya v zhizni obshchestva* [Spiritual-Moral Tradition in the Life of Society]. Chelyabinsk; 2011. (In Russ.).
9. Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow; 1991. (In Russ.).
10. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Moscow; 1996. (In Russ.).
11. Zdravomyslov A.G. *Sotsiologiya konflikta: Rossiya na putyah preodoleniya krizisa* [Sociology of Conflict: Russia on the Path to Overcoming the Crisis]. Moscow; 1999. (In Russ.).
12. Ionin L.G. *Sotsiologiya kultury: put v novoe tysyacheletie* [Sociology of Culture: Path to the New Millennium]. Moscow; 2012. (In Russ.).
13. Kant I. *Osnovy metafiziki нравственности* [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. Moscow; 1994. (In Russ.).
14. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow; 2000. (In Russ.).
15. Kuznetsova O.V., Shabanov L.V. Pravoslavnye tsennosti v sisteme vospitaniya sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Orthodox values in the upbringing of the contemporary Russian youth]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 8. (In Russ.).
16. Pantelev V.G., Shevchenko O.M. Dukhovno-nravstvennye tsennosti Rossii v aksiologicheskom profile grazhdanskoi i territorialnoi identichnosti (na primere Rostovskoi oblasti) [Russia's spiritual-moral values in the axiological profile of civil and territorial identities (on the example of the Rostov Region)]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2025; 12. (In Russ.).
17. Parsons T. *O sotsialnykh sistemakh* [The Social System]. Moscow; 2002. (In Russ.).
18. *Rossiiskaya tsivilizatsiya: dukhovnye istoki i istoricheskie perspektivy* [Russian Civilization: Spiritual Origins and Historical Prospects]: sb. materialov Vserossiyskoy setevoy nauchnoy konferentsii "Innokentyevskie chteniya". Ed. by I.P. Ryazantsev. Moscow; 2026. (In Russ.).
19. Ryazantsev I.P., Gridina V.V., Timonina T.V. Dukhovno-nravstvennaya kultura studentov tekhnicheskogo vuza [Spiritual-moral culture of students in the technical university]. *Sotsiologiya*. 2019; 2. (In Russ.).
20. Sorokin P.A. *Sotsiokulturnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Moscow; 2000. (In Russ.).

21. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow; 1992. (In Russ.).
22. Strizhakova V.E. Aksiologichesky aspekt dukhovno-nravstvennoi kultury sovremennoi studencheskoi molodezhi [Axiological aspect of the contemporary student youth's spiritual-moral culture]. *Trudy Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta*. 2024; 2. (In Russ.).
23. Tatarkina N.I. *Formirovanie dukhovno-nravstvennoi kultury lichnosti kursantov vuzov MVD Rossii* [Formation of cadets' personal spiritual-moral culture in universities of the Russian Ministry of Internal Affairs]. Elets; 2006. (In Russ.).
24. Tillich P. *Muzhestvo byt* [The Courage to Be]. Moscow; 1995. (In Russ.).
25. Yadov V.A. *Sotsialnye i sotsialno-psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya sotsialnoi identichnosti lichnosti* [Social and Social-Psychological Mechanisms of Formation of Individual's Social Identity]. Moscow; 1994. (In Russ.).
26. Mead G.H. *Mind, Self and Society*. University of Chicago Press; 1934.
27. Parsons T., Bales R.F. *Family, Socialization and Interaction Process*. Free Press; 1955.
28. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. Simon & Schuster; 2000.